

18+

А. Гасанов

По рогам!..

сборник рассказов №12

А. Гасанов
По рогам!.. сборник
рассказов №-12

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23466733

ISBN 9785448396533

Аннотация

Небольшие истории, рассказы о жизни, про жизнь и за жизнь.
Неплохое чтение для поезда и не только. Уверен, вам понравится!

Содержание

Майонез	5
По рогам!..	9
Песец	13
Саша	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

По рогам!..

сборник рассказов №-12

А. Гасанов

© А. Гасанов, 2017

ISBN 978-5-4483-9653-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Майонез

История эта произошла в моём родном пустынном Казахстане.

На горячем плато выше седого Каспия недалеко от города Новый Узень располагалась ныне расформированная колония строго режима за №-86. «Зона», так сказать. Стекался туда при СССР люд со всех уголков. Кого там только не было... Суровый климат, зной и мороз, перебои с водой. Всяко было на зоне. И служил там хороший парень по имени Мурат. Добрый и честный, Мурат к сорока годам дослужился до капитана. Отзывчивый, обязательный, принципиальный. Неоднократно поощрялся за безупречную службу. Примерный семьянин. В быту скромн. Одно было плохо – уж очень доверчив. А на зоне это не останется незамеченным.

После тридцати пяти Мурат с удивлением заметил, что глупые волосы покидают его, как осенние листья. Нет, лысина, конечно, красит мужчину. Вы совершенно правы. Но когда лысина сияет так, что за ней не видно мундира, это раздражает... Короче говоря, стал Мурат унывать. Это все заметили. И зэки в первую очередь. Мурат к тому времени дослужился до дежурного по колонии и работа его заключалась в сидении перед телефонами и рацией в небольшой душевой комнатке с большим окном перед ним. Работа была трудная. Потому что дежурного могут в любой момент про-

верить. Есть такие «проверяющие офицеры», задача которых проверять дежурных, чтобы те не спали. Проверяющие приходят к дежурным неожиданно и проверяют их. Потом обычно они пьют чай, играют в нарды, и спят по очереди. В таком вот унынии и застал Мурата подлый зэк по кличке Васька. На самом деле его звали Михайлов Вячеслав Владимирович, а секретная кличка у него была «Васька», и знали её только зэки, менты и все остальные. И вот этот подлый Васька и говорит унывающему капитану Мурату:

– Знаю, говорит, как помочь тебе, басеке.

По-казахски «бастык» – значит начальник. А «басеке» – это ласково и уважительно. «Начальничек», типа того. Им очень нравится это.

– Возьми, – говорит подлый зэк Васька, – банку майонеза, желательного нашего, советского, и на ночь, пока сидишь в дежурке, намажь им голову. Пока полностью не впитается – не стирай.

– И что?, – спрашивает наивный капитан Мурат.

– Волосы отрастут за недельку. Как у Киркорова будут. Задолбаешься стричься. Век воли не видать!

Охмурил, короче говоря, подлый зэк Васька капитана. Тот сначала с недоверием. Как и положено милиционеру. А подлый Васька так убедительно трепался, не моргая и клянясь, что Мурат поверил. В подтверждение лояльности Васька даже вызвался помочь.

Поздним вечером, когда зэков уже «отбили», то есть по-

сле отбоя, подлый зэк Васька пришёл в дежурку, хорошенько протёр лысину Мурату, и аккуратнейшим образом покрыл её майонезом «Провансаль» высшего качества, цена 27 коп., стекло-банка, 0,3 мл., ГОСТ-144070—79, с/б. Для начала пробной партией, в два сантиметра толщиной, с замысловатым завитком в середине. Полюбовавшись своей работой, подлый зэк Васька остался доволен, и своим честным, без тени улыбки взглядом, окончательно успокоил до сих пор сомневающегося Мурата:

– Вот и всё, басеке. Нормалёк. Теперь посиди так пару часиков, чтобы впиталось. А я потом подойду, посмотрю. Вытру, чтобы не испачкался.

...Время ночью на зоне тянется медленно. Особенно если сидеть и ждать, когда впитается в голову банка майонеза. Но если сидеть впятером в каптёрке и тихо резаться в карты под бражку, пока дежурный ждёт, когда впитается майонез, время летит ой как быстро.

Короче говоря, изморённый мерным жужжание ламп и цыканьем секундной стрелки, капитан Мурат уснул, сидя за столом прямо перед телефонами. И проснулся Мурат от неприятного стука в стекло перед собой. Увидев «проверяющего», Мурат встал и, мгновенно проснувшись, доложил по форме, как и положено:

– Товарищ майор, в колонии без происшествий. По списку 812, в больнице 11, в побеге 2, в ШИЗО 17, в БУР-бараке 4...

Чем чётче Мурат докладывал, тем сильнее почему-то вы-

пачивал глаза проверяющий, бледнея и прикрывая испуганно ладонями рот... Майонез в голову не впитался ни чуть, а в отблесках лампочек зловеще блестел и переливался, как свежие мозги...

...Мурат дослужился до подполковника и вышел на пенсию. Подлого Ваську он простил.

В Узене Мурата уважают. Тихий, скромный человек. А кличка «Майонез» прицепилась к нему так сильно, что даже внуки по телефону отвечают запросто:

– Ало?! Кого позвать? Майонеза? Сейчас... Дедушка! Тебя!

По рогам!..

... – Не-е, мужики... Бабу нужно держать... Во!, – Колян показал красный потный кулак, – в узде! Чуть ослабишь – сразу борзеть начинает! Сразу!.. Сначала голос у неё прорезается, потом то, да сё... Вообще обнаглеет. Вон моя у меня! Дома по струнке ходит. Прихожу домой – чуть что ни так, сразу – по рогам! Чтобы знала своё стойло. Понял, щегол? По-ро-гам!.. По другому они не понимают...

В жаркой, душно прокуренной пивнушке они сидят через столик от меня.

Колян (как он представился) – мужик лет под пятьдесят, полчаса назад подсел к двум незнакомым парням, без особых церемоний заказал «пару пива и ещё, что там у вас, девушка?», закурил белый Marlboro, вздыхает:

– Вот такие дела, мужики... Такие дела... Сами-то женатые? Нет? Пора уж. Чё тянуть-то?.. Кота за яйца... Пора уж...

Парни вежливо улыбались, молчали, ещё не решив, как отнестись к подвыпившему мужику, который проводил официантку подчёркнуто презрительным взглядом, задумчиво продолжая говорить:

– Женатому хорошо, мужики... Напашешься за весь день... Домой придёшь... А там – жена... Шуршит... Ужин... То, да сё... Гм..., – повернулся к парням, придвинул

пепельницу, – Я со своей строго. Бабы любят строгость. Штаны вовремя не погладила – по рогам! Угу... Обед не понравился – по рогам! Женщина – она как собака, понимаешь?.. Строгость любит. Только строгость!.. Понял, щегол? Собаку раз в неделю не ударишь – она зубы показывает. Для неё это уже потребность. Вот и тут так же. Понял? По рогам получит – сразу шёлковая становится: «Ой, Коленька пришёл! Ой, Коленька отдохни! Ой, покушай на!», – Колян втянул голову в плечи и скорчил комариновую гримасу, показывая как лебезит, пресмыкаясь, его жена. С удовольствием откинувшись на спинку стульчика, мужик задумчиво выпускает дым в потолок, и в суровом взгляде его читается: «по рогам!».

– ... Один раз!.., – вспомнив, хмыкает о удовольствия воспоминаний, почти ложится грудью на столик перед собой, – Ха-ха!.. Прикинь? Один раз прихожу домой... Ха-ха!.., – Колян быстро допивает пиво, повелительно щёлкает пальцами в сторону официантки, – Прихожу домой, значит! А дома... – ТИШИНА!, – он испуганно-потрясённо вытаращил глаза и стал похож на цифру «100»; единица – это дымящая сигарета в его руке, а два ноля – это его глаза, – Чё за фигня, думаю? Прикинь? (долгая эффектная пауза). Смотрю-у-у, значит... А она... НА ДИВАНЕ ЛЕЖИТ!!!, – почти прокричал Колян, звонко хлопнув себя по тощей ляжке так, что все повернулись на секунду в их сторону, – ТЕМПЕРАТУРА У НЕЁ ВИДИТЕ ЛИ!.. Ты понял?

Колян мрачно допивает пиво, злобно казнит в пепельнице

бычок, и подкуривает новую сигарету, шумно бросая пачку на стол, и оскорблённо цедя сквозь зубы:

– Ты понял? Я её (переходит на мстительный шёпот, сжимая перед собой до красноты кулак) – за шкурку... Ик!.. Говорю; щ-а-асс!.. Щас я тебя вылечу! Ик!... Тут мужик голодный-уставший пришёл, а у она... температура, бль!... И по рогам! Понял? Сразу! От души!.. И чё?... Сразу выздоровела. Сразу!.. «Бегом на кухню!, – говорю, – рожа конопатая!», – Колян корчит губы презрительно в сторону, словно бестыжая жена стоит рядом, – Понял? Угу. Сразу!.. Два пива ещё, девушка!...

Вкусно икнув, мужчина оглядывает притихших парней отцовским взглядом:

– Эх, пацанва-а!..., – он миролюбиво потрепал одного по плечу, – Всё ещё у вас впереди...

...В это время в пивную решительной походкой зашла женщина весьма странного вида. Полная, румяная, словно из душа, в жёлтом цветастом халате, с одной бигудёй выше лба. Белые лицо и руки сплошь в веснушках. Колян сидел к ней спиной и оставался ещё в эйфорическом состоянии, слабо покачиваясь на задних ножках стула, когда женщина подошла к нему сзади и, закатав один рукав, подняла руку над ним, словно палач топор, зажмурилась и с силой огрела Коляна чуть ниже шеи.

...Кабак потрясённо стих. Клацнув зубами, Колян откусил фильтр сигареты и расплескалполовину свежей-кружки

пива себе на брюки.

– Что, не нагулялся, скотина?, – женщина опять размахнулась, и Колян опять клацнул, – А ну, бегом домой! Время пол-первого, а он по кабакам шляется... Сволочь худая!..

Страшная во гневе, женщина переходит на свирепый шёпот и, сверкнув на парней уничтожающим взглядом, тащит мужа за шиворот к выходу.

...В окно я видел, как Колян чудом вырвался, выпрыгнув из курточки, и побежал, прихрамывая, в темноту.

... – Беги-беги, кобель!, – спокойно кричала ему в след жена, не спеша уходя по тротуару, с курточкой через руку, – Сейчас я тебе ещё дома добавлю по рогам!..

...В следующий вечер Колян пришёл в тёмных очках, и ни к кому не подсаживался.

Заказав пива, он торопливо его хлебал в одиночестве, озираясь на окно, и скоро ушёл.

Песец

...Меня часто спрашивают – откуда вы берёте свои сюжеты? Причём, как правило, часто неожиданные развязки событий я заботливо заворачиваю в описания бытовых повседневных мелочей.

Не скрою, нередко приходят и гневные отклики. Мол, психика у вас сдвинутая, дядя Алик. «Только негатив видите вокруг!» Согласен, но только отчасти. Моё воображение очень созвучно с болезненно обострённым слухом, я так думаю. Это усугубляется сомнительным феноменом маниакальной слуховой памяти. Нет-нет! При моей давней близорукости, собачий слух мой даже очень кстати, особенно вечером на улице. Шаги полицейского, например, я слышу раньше, чем он видит меня. Это очень кстати. В другое время приходится откровенно бороться с этим. Например, чтобы уснуть, я неизменно ложусь одним ухом на подушку, а на другое ухо кладу руку или женщину. Армейская привычка. Иначе всю ночь я буду слышать всё до мелочей, вплоть до хронической икоты соседского кота, страдающего ожирением. Вам смешно, а меня это подчас изнуряет. То же самое и с моим воображением. Чтобы сформировать рассказ, я слушаю мелодичный звон в своей пустой голове, и иногда в памяти всплывают совершенно неожиданные сюжеты. Часто стародавние и малоинтересные. И мне

достаётся в награду пикантная сладость чуть-чуть приукрасить развитие сюжета и дать имена тем, чьи я забыл, потому, что и не знал вовсе.

Сюжеты в поездах особенно врезаются в мою память. Возбуждение спешащей дороги. Запахи пробегающей мимо жизни. Мелькание чьих-то торопящихся судеб. Иной раз так засмотришься, что и удивишься невольно, как это чемодан не спёрли? Уже третий час в окно смотрю не мигая...

...Пара красивая была. Вы наверное помните таких? Словно из рекламы зубной пасты. Ухоженные во всём. Он – высок, подтянут, идеально выбрит, только что подстрижен, руки стерильные, ногти полированные. Одет по спортивно-му, в дорогу. Видно, что всё продумано до мелочей.

Она – просто воплощение мечты абсолютно каждого мужчины. Каждого адекватного, я имею ввиду. Воплощение идеальной жены. Невысокая, мягенькая. Чистенькая. Волос хороший. Косметики на лице незаметно. Общительная, обходительная. Одета хорошо, со вкусом, но скромно. Тем не менее, фигура отличная. Женская, желанная. На такую поглядываешь украдкой и с удовольствием, не рискуя при втором случайно пойманном взгляде, услышать: «Чё пялишься?»

Дочка с ними лет двенадцати. Ох уж это новое поколение!.. Как вошла, уткнувшись в планшет, так и не вылезла из него. Зыркнет в сторону сквозь очки и опять в планшет. Читает чего-то. Но тоже хорошенькая. Видно по всему – умная девочка.

Наученный горьким опытом, ограничиваюсь пока вежливым «здравствуйте». Вам, кстати, тоже советую быть более сдержанными при первой встрече в купе. Эти робкие тосты «за наше случайное знакомство!» обычно заканчиваются безобразными сценами под вечер, как правило где-то на полу между тамбуром и проводником. Не забывайте. Ну так вот. Со мною вежливо поздоровались. Устраиваются. Чтобы не мешать, деликатно ухожу в проход к окну, смотрю на проплывающую мимо красоту. Пейзаж, плавно сменяющийся под задумчивый стук колёс, это прекрасно! Провожая взглядом унылый осенний вокзал, людей, безразличных к моему отъезду, идущих по своим делам сквозь слабый дождь. Поезд спокойно набирает скорость, и это завораживает, ввиду чего прерывистые повороты моей головы напоминают нервный тик, угрожая вывихом сустава, а мелькание за окном рябит в глазах, грозя тошнотой.

В купе сразу заметно присутствие женщины. Столик убран, прикрыт белоснежной салфеткой. Вместо моей газеты постелено тонкое полотенце. Моя кружка и самса на салфетке ни сдвинуты брезгливо к моему краю, а лежат в середине, среди «их» посуды. Пахнет влажными салфетками.

Но в воздухе летает какая-то тяжесть. Мгновенно чувствую. (Читайте выше. У меня в этом плане бзик по фазе.) Напряжение какое-то, говорю... С минуту молча наблюдаю и понимаю – чего-то натворила жена. Причём, вместе с дочкой. Муж подчёркнуто молчалив, суров. Ведёт себя так,

словно не знаком с обеими и знакомиться не намерен. Движения чуть более быстрые, чем надо. Так же молча и нервно я расшнуровывал ботинки, когда на таможне меня единственного обыскивали уже во второй раз в течении часа. Изза бороды.

Женщина и девочка ведут себя соответственно тону, заданному мужчиной. Чего натворили они? Документы потеряли? В унисон обстановке заваливаюсь на свою полку, уткнувшись в кроссворд.

– Ви-ить..., – под стук колёс в гробовой тишине голос женщины звучит тихой мольбой, – Вить!.. Тебе чай налить? Витя...

Мужчина резко встаёт, поворачивается к жене спиной, хмурясь поправляет в сотый раз сумки на верхней полке, подчёркнуто быстро выходит из купе к окну. Следующие полчаса он так и стоит к нам спиной и если бы он стал при этом тихо вздрагивать, рыдая, я бы уже не удивился. Дочка с мамой, серые от ужаса, не решаются пить чай без отца, украдкой посматривая на сторбленную от горя фигуру. Чё они натворили? В моей голове мелькают сумасшедшие варианты, один хлеще другого. По их вине поезд задавил его любимую собаку? Дома оставили утюг, плойку и фен включенными? Отдали мошенникам на вокзале все деньги, включая карманные?

Тяжело вздохнув в который раз, мужчина обречённо уходит в сторону тамбура.

Я тоже ухожу, набираю кипятку, покупаю у пухленькой смешливой проводницы пряники, сажусь пить чай с газетой перед носом. Мужчина возвращается умытый, мрачный, с мокрыми челкой и бровями. Словно заплаканный. Жена робко протягивает ему полотенце. Он презрительно кривит верхнюю губу:

– Да иди ты...

...Ехать мне с этой семейкой посчастливилось два с половиной дня. Всё это время мужчина дулся, как индюк, а его жена и дочка сидели, поджав под себя ноги и испуганно молчали. Я наивно надеялся всякий раз, что через час-другой он, наконец, успокоится, и мы нормально проведём остаток дороги. Нет, все попытки женщины к примирению заканчивались горьким отмахиванием и демонстративным уходом то к окну, то ещё куда. А когда мужчина принёс в купе пару беляшей и кефир, принципиально отдельно принимая пищу, постелив себе на колени газету, я уже был твёрдо уверен – либо жена с дочкой надругались над могилой его матери, либо пытались подставить его, подкинув наркотики.

...Ехать мне оставалось ещё час-полтора. Я практически собрался, и валяюсь, одетый. Скучно глазею в замусоленный и разгаданный кроссворд. Витя опять ушёл куда-то с утра, повесив голову и хлопнув дверью купе, и мои попутчицы не решаются – собираться уже или нет?

Тишину разряжает мой телефон.

Поднимаю:

– Ало. Да. Привет. Нормально. Да, хорошо. Нет, не замёрз. Угу. Нет, хорошо. Нет-нет, нормально. Угу. Через два часа. Да. Прибытие в три пятнадцать и там ещё двадцать минут. Угу.

Жена сбивчиво рассказывает, как сын грозил в садике «побить прям по животу» кого-то, за то, что тот плюётся. Не поймёт, смешно это или нет?

Я смеюсь:

– Ха-ха! Всё правильно! Папин сын! Только пусть сначала предупредит. Скажи ему – пусть скажет, «ещё раз так сделаешь, мол, по морде получишь»!..

Жена успокаивается, но всё-равно смеётся взволнованно:

– Ты чё делаешь-то? Скучно там? Чего так тихо у вас? Ты один, что ли?

– Да нет. Всё нормально. Лежу вот, кроссворд разгадываю, – я нахожу первое попавшееся слово, – «хищное млекопитающее, семейства псовых, с ценным мехом», – чтобы не заподозрила обман, упрощаю задачу, – вторая и четвертая – «е», пять букв. Первая «пэ», скорее всего... Г-м...

Две секунды думает:

– Первая «пэ»?

– Угу.

– «Песец»!

– Тфу, блин... Вот бамбук! Действительно... «Песец»..., – делаю вид, что пишу.

– Ну, ладно, давай. У меня кипит! Не задерживайся.

– Хорошо. Давай!

Вижу, что мои дамы слабо улыбнулись над моим «бамбуком», спрашиваю запросто:

– Чего случилось-то у вас, девчонки? Потеряли что-то?...

Женщина опасливо косится на пустой проход и чуть наклонившись ко мне, тихо говорит:

– Перед отъездом Витя просил, что бы я напомнила ему, что он оставил свою серёжку в ванной на полочке. А я забыла...

Отодвинувшись, женщина чуть помолчала и добавила тихо:

– Говорит, «как дурак еду теперь»... «С дыркой и без серёжки»...

Действительно... Песец...

Саша

... – Так расписываться-то он будет?, – Светка с интересом рассматривает огромное фото на стене, – Слышь? Где ты?

– Пока не знаем, Свет. Поживём увидим!., – кричит с кухни Наташка. Выключает воду и приходит в комнату, вытирая руки полотенцем, – Говорит, «ещё не нагулялся».

Светка подходит ближе к фотографии:

– Вроди бы ничего... Симпатичный. Накачанный. Это ты, что ли, фото увеличила?

– Нет. Он сам. У него много таких. В той комнате тоже висит.

Светка удивляется, дурашливо косится на подругу:

– «Сам»?

– Угу.

– И повесил, скажи, сам?

Наташка просто кивает, устало садится на диван. Светка многозначительно «хымкает» и осматривает фото внимательнее:

– А фоткал кто?

– Сам.

Светка ещё выше поднимает брови:

– «Са-ам»?

– Угу.

– Ин-нтересненько...

Рассмотрев детально обнажённого по пояс красавца, словно только что вышедшего из душа, с полотенцем на бёдрах, девушка задумывается о чём-то.

– А насчёт Кирюхи что? Как они?

Наташа длинно вздыхает, устало шмыгает носом:

– Нормально, вроде бы... Говорит, если надо – воспита-ет, как своего. «Настоящего мужика, говорит, сделаю из па-цана.»

– Ин-нтересненько... Работает, говоришь?

– Да... Месяц уже отработал. На фирме какой-то...

Светка плюхается рядом с подругой и снизу таращится на портрет:

– Ин-нтере... Как это – «месяц»? – поворачивается удив-лённо, – а раньше он... где?..

Наташа встаёт, раскладывает на столе детские маечки, трусики для глажки:

– Говорит, раньше не работал.

– В двадцать восемь лет-то?

– Угу.

– Интересно...

В комнату тихо входит четырёхлетний Кирилл. Светка «охаёт», протягивает ему руки, улыбаясь всем своим видом:

– У ти бози мой, кто пласнулся! Пасматлите, кто там у нас плисол!.. Ой, кто плисол!.. Иди сюда, иди к тёте скорее! Иди ко мне!

Кирилл спросонья удивляется, улыбается, но подбегает к матери, прячет лицо в подол юбки. Света встаёт и, скрючившись Бабкой Ёжкой, смешно пританцовывает, осторожно подходит к мальчику:

– А это кто такой? Это Кирилл наш, что ли? А? Это Кирилл, что ли наш?

Наташа разлепляет осторожно ручки ребёнка:

– Ну ты чего, Кирюш? Отпусти, упаду я так. Тётя Света пришла. Отпусти. Поздоровайся. Скажи: «Здра-асти, тётя Света!» Скажи.

Кирилл чуть отрывает лицо от юбки, одно мгновение косит глаз на красивую тётю Свету и вновь прячется.

Наташа с трудом отрывает от себя сына, садится на диван, Кирилл тут же кидается к ней «на ручки», краснея и украдкой глядя на Свету.

– Вот так и живём мы с Кирюшей. Вот такушки и живём. «Та-акушки и живём! Та-акушки и живём!» Да?, – понынчив и расцеловав ребёнка в обе щёки, Наташа проверяет у него трусики, – Вот и молодец. Ох, и молодец! Трусики сухи-ие у нас. Да? Молодец! Иди к тёте. Пойдёшь?

Света с готовностью предлагает себя, улыбаясь:

– Пойдёшь ко мне? А? Кирюш? Пойдёшь?

Мальчик низко опускает голову и краснеет, как помидор, крепко держась за мамину руку.

– Пойдёшь?, – не унимается Света.

Кирилл чуть мотает головой, и опять зарывается носом

в мамину грудь.

– Вот ты какой бяка! К тётё не хочешь идти.

Минуту девушки умилённо и молча рассматривают ребёнка. Света тихо вздыхает, улыбаясь:

– Так и молчит?

Наташа вздыхает в тон подруги:

– Угу.

Помолчали, улыбаясь.

– Врачи чё говорят?

– Да чё они скажут? Помолчит и заговорит, говорят. Да, Кирюш? Скажи тётё: «когда захочу, тогда и заговорю!» Да, мой хороший?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.